

Юрий
Манаков



РАССКАЗЫ

ДРАЧУНЫ

Только присел я в тени шелковистой березки на поросшей ромашкой обочине перекусить и выложил перед собой на плоском суглинистом бугорке снедь, состоящую из доброго куска вареной говядины, малосольного огурчика и ломтя пшеничного хлеба, как из бурьяна по ту сторону дороги выбежал и, увидев незнакомца, замер коричневым, в подпалинах, гибкий зверек – колонок. С полминуты он бесстрашно вглядывался в меня темными бусинками глаз, затем резко крутнулся и мгновенно исчез в сплетеньях отцветающего вязаля. Я даже не успел предложить зверьку разделить со мной трапезу, а лишь хмыкнул ему вдогонку и вернулся к своим нехитрым харчам. Подкрепиться мне надо было не только из-за того, что, карабкаясь по крутым серпантинам в гору, я нагулял отменный аппетит, но еще и потому, что впереди был спуск и километра через два река, после которой предстояло восхождение на белок Мурашок, где в лесистой складке одного из широких логов притаилась моя знамка – островки светло-желтых ядерных лисичек. Согласитесь – перед подъемом в гору отяжелеть желудок пищей неразумно, и это проверено мной еще в годы незабвенной походной юности раз и навсегда. Другое дело сейчас, когда ноги сами вниз вприпрыжку побегут прямо до обрывистого, каменистого бережка говорливой Сержихи, а там уж я с несказанным наслаждением зачерпну пару – тройку пригоршней прохладной горной водички смочить усвоившийся продукт, сбрызну ею лицо, и можно спокойно взбираться в любую крутизну и проникать в самые непролазные чащобы.

Наломавшись за день по своим знамкам, нарезав и бережно разместив в добротной, берестяной паевке ведра полтора упругих лисичек, под вечер соорудил себе под могучим разлапистом кедром ночлег. Грешен, люблю коротать летние недолгие ночи под алтайскими таежными исполинами, обладающими фантастической положительной энергетикой. Однако здесь непременно нужно соблюдать одно условие: ни в коем случае не ложиться головой к шершавому смолисту стволу. Ляжешь – утром обязательно встанешь с чугунной головой и помятыми мозгами. А вот коли упрешься ногами в перекрученные толстые корни или расположишься боком к дереву, то батюшка кедр за время твоего отдыха так обновит, напитает твое усталое тело, что с первым светом ты будешь свеженьким, как огурчик. Причем лично мне достаточно двух – трех часов невесомого полусна у костра, и силы



не только восстанавливаются, но ты обретаешь какую-то необъяснимую, добрую легкость как в теле, так и в мыслях и в душе.

Думаю, здесь самое время высказать одно свое старое несогласие, касающееся названия этого удивительного жителя нашей Сибири. А дело вот в чем. Когда я, уже будучи взрослым, в какой-то умной книжке, название которой, как и фамилия автора как-то сразу и забылись, прочитал, что мой любимец кедр вовсе и не кедр, а всего лишь сосна сибирская, моя реакция была бурной – это недоразумение, досадная опечатка! Но вскоре после этого я встретил своего хорошего друга, образованного и опытного работника лесной отрасли, так вот и он на мой вопрос, действительно ли наш кедр – это сосна, утвердительно кивнул головой: да, мол, официально так оно и есть – по всем источникам эта порода деревьев проходит как сосна сибирская. Меня это крепко задело. Ничуть не умаляя достоинств и благородства сосны, я тем не менее стал допытываться у друга: так ли уж однородны эти деревья. Начнем с иголок. У сосны из одной завязи произрастает по две колкие иголки, у нашего кедра – по пять мягких игл. Цвет коры у сосны бронзового оттенка, у кедра – серо-коричневый. Шишки у сосны мелкие, семечки из них извлечь под силу, наверное, одному лишь настырному и неутомимому дятлу, а кедровые орешки, они крупные, ядрышки сочные, питательные, их можно и щелкать, и давить из них вкуснейшее масло. Да и сама шишка другой раз попадается величиной с ладонь, когда в эту же ладонь сосновых шишечек можно уместить с десяток! Опять же, карандаши делают исключительно из кедровой древесины, а вот чтобы из сосны, я про это что-то и не слыхивал! Просто у кедра структура луба своя, и она одновременно податливая и более прочная, чем у других пород. И последнее. Кедр живет и плодоносит на несколько столетий дольше сосны. В ответ на мои доводы товарищ лишь пожал плечами: вроде все верно, но в учебниках и пособиях кедр обозначается сосной сибирской, а они написаны людьми учеными. На что я возразил: ученый – это не значит наученный. И у великого нашего поэта А. С. Пушкина, как ты помнишь, на цепи вокруг дуба «ходит кот ученый», видимо, подобные движения совершают и наши ученые, только топчутся они вокруг кедра! И тебе лучше знать, что пихта и ель внешне больше схожи, нежели кедр и сосна, однако же их в одну кучу никто не сваливает. На мою задорную и, как мне казалось, убедительную речь мой многоопытный товарищ лишь загадочно улыбнулся, и мы в душе остались каждый при своем.

Поутру, вскипятив отвар из нарванных у ключа смородиновых листьев, я подкрепился остатками вчерашней снеди, залил и притоптал шипящие угли костра и наладился в обратный путь. Дорога мне привычная, хоженная десятки раз: летом, как правило, в удобных кирзовых сапогах, зимой на широких охотничьих лыжах, подбитых камусом из конской шкуры. Хотя, замечу попутно, охотник я никудышный – птиц и зверя люблю наблюдать живыми, а чтобы лишать их жизни выстрелом или ударом дубины, от этого никогда не испытывал ни азарта, ни удовольствия. Я по натуре своей скорее собиратель и созерцатель, без надобности не сорву цветок и не сломаю ветку, поскольку всегда помню, кто я, и знаю свое место в тайге. И она, матушка, не бывало еще случая, чтобы отпустила меня домой в поселок без гостинца!

Вот так вот, весело оглядывая живописные окрестности, поднимался я по суглинисто-каменистым колеям трудно проезжей дороги, пока не добрался до места вчерашней обеденной трапезы. Усмехнулся про себя, вспомнив неожиданную встречу с колонком, и направился вверх по отлогому прямому подъему в две четко разделенных щетинкой бурьяна колеи. Вдруг сбоку, из редких кустов тальника

метрах в пятнадцати передо мной выскочили на дорогу два гибких, пружинистых зверька.

Злобно стрекоча, они слились в косматый светло-коричневый клубок и, поднимая пыль и фыркая, покатались в мою сторону. Мне показалось, что клубок этот даже искрился, особенно в те секунды, когда он подпрыгивал до метра над бурьяном и будто бы разваливался в воздухе надвое. Однако колонки, а это были именно они, воинственно фыркнув, опять сливались в яростный комок и, не касаясь земли, неслись ко мне, самозабвенно царапая и грызя друг дружку. Драчунам до меня оставалось рукой подать, и я уже приготовился к прыжку в сторону, чтобы увернуться и пропустить дерущихся дальше вниз, как колонки, словно опамятавав, мгновенно оценили ситуацию и, распадаясь на две молниеносные стрелы, пролетели в метре над колеей и приземлились за обочиной в высокие колосья тимopheевки. И там, путаясь в траве, с новой силой продолжили свою драку. Я пробовал их унять разбойничьим свистом и звонким хлопаньем в ладоши, однако разъяренным зверькам было на мои миротворческие потуги наплевать. Ну что же, пускай победит сильнейший, драка честная – один на один, это их вотчина, наверняка разберутся и без меня. А мне остается лишь одно: поправить лямки паевки на плечах – и в путь.

Интересно было бы все-таки узнать: из каких кустов своими черными бусинками глаз вела наблюдение за дерущимися колонок-самка? Ведь она, скорее всего, и являлась той самой вчерашней моей знакомой, за обладание которой так страстно хлестались два гибких зверька.

ЛЮБОПЫТНЫЙ СОБОЛЕК

Дорога в гору была каменистой и относительно широкой, вся в солнечных пятнах. Подниматься по ней для меня всегда неизъяснимое удовольствие. С обеих сторон, нагорной и подгорной, возвышался, соединяясь вверху в тенистую, с синими лоскутками неба, светло-зеленую крышу, смешанный стройный лес, с преобладанием в нем белоствольных берез и разлапистых столетних пихт. В этом живом коридоре особое внимание к себе привлекали изогнутые у корней березы, комли которых, как на подносах, лежали на замшелых, плоских, будто выдавленных из склона, нависающих над дорогой плитах. В прежние годы добрая часть этих выгнутых берез точно бы пошла на фигурные полозья саней и розвальней, но при нынешних автомобильных и прочих скоростях потребность в подобных живописных деталях крестьянского быта как-то сама собою сошла на нет.

Дорога эта, нарезанная мощными бульдозерами лет пятьдесят назад, простиралась от пригородного поселка через горы к расположенным в таежных поймах говорливой Сержихи бывшим совхозным, ныне приватизированным пасекам. Пользовались ею не только пчеловоды, но и разный другой люд, устремляющийся во всякое благодатное на урожай черники либо кедровых орехов лето на вершины белков, где эта целебная ягода и смолистые шишки обильно произрастали. Вот и мы с товарищем встали сегодня до солнышка, попили наскоро чайку да и полезли в горушку. Впереди, поминутно и с явной укоризной оглядываясь в нашу сторону: что вы, мол, так медленно плететесь – бежала молодая резвая лайка. Когда ей надоело нас поджидать, она ныряла в высокую придорожную траву и там с азартом принималась выискивать жирных мышей-полевок да загонять на деревья и облаивать пушистых белок и полосатых бурундуков. Лай у собаки был ровный, дежурный и где-то даже с оттенком безнадежности – она видела, что ружей за плечами у нас нет, и охота выходила и вправду односторонняя, без завершающего

выстрела и подношения нам в осторожных зубах тушки убитого зверька. Но что поделаешь – не сезон, и у нас действительно кроме перочинных ножичков ничего из оружия не было, даже туристического топорика. Готовясь в такую пору к ночлегу в горах, мы по обыкновению сухие ветки и лапник ломали руками, а толстые ветви и стволы пережигали пополам и складывали в огонь по два рядышком: костер получался долгоиграющий, вернее, долго прогорающий, и можно было добрую часть ночи поспать и понежиться в тепле.

Между тем мы обогнули широкий лог и на открытом взлолке остановились перевести дыхание и полюбоваться видом летнего поселка, что втягивался добротными избами и дворовыми постройками, а также квадратами огородов с зелеными холмиками грядок, цветущей картофельной ботвой и подсолнухами по краям – из долины в лесистую горловину ущелья. Справа заборы поселка упирались в лесхозовскую пилораму и питомник. Слева от скалистой и крутой сопки селение отрезала быстрая и своенравная река. По прямой от нас до поселка было не больше пятисот метров, однако по серпантинам и вилюшкам набегало до полутора верст. Только я выдохнул, что, вот, мол, среди какой красоты живем, как выше дороги, в березняке раздался такой злобный и залиvistый лай нашей собаки, что мы, не сговариваясь, одновременно устремились по щебенистому откосу вверх.

Картина, что открылась нашим взорам, была чрезвычайно забавна: лайка, как заправский монтер, обхватывая лапами белый ствол березы и всем корпусом извиваясь, пыталась влезть на дерево. Острые когти ее царапали и рвали бересту, лайка опрокидывалась наземь, снова резво вскакивала, прыгала на березу, карабкалась и вновь летела вниз. Что же там, в кроне притаилось такого, что привело нашу собаку в неопишное неистовство? Мы задрали головы вверх. Метрах в восьми от земли, грациозно распластавшись в рогульке двух толстых веток, из-за ствола на нас с любопытством поглядывал пушистый, с роскошным черным хвостом и светло-серой шерстью на добродушной, напоминающей кошачью, усатой мордочке молоденький, но довольно крупный соболь. За то, что зверек молод и неопытен, говорила его обезоруживающая доверчивость. Окажись перед нами соболь поживший, заматеревший, мы его и разглядеть-то толком не успели бы, как он пружинисто ушел бы на макушку березы, а там, качнувшись на упругой вершинке разок-другой, перепорхнул на мягкие лапы соседней пихты – и только бы его и видели! А этот бесстрашный ротозей единственно, что мог делать, так это внимательно переводить свой взгляд с меня на напарника, затем равнодушно поглядывать сверху вниз на мечущуюся лайку и опять возвращаться к изучению этих непонятных существ, топчущихся вокруг невысокого дерева.

Так пристально мы и рассматривали друг дружку минут пятнадцать – двадцать, прямо как в детской игре: кто кого переглядит. Мы надеялись, что зверек первым сорвется с места, и у нас будет возможность наблюдать все его полеты и воздушные кульбиты, однако соболю в отличие от нас торопиться явно было некуда, по всему видать, что он не так давно изрядно подкрепился мышами-полевками и теперь наслаждался таким вот послеобеденным развлечением. Мы попробовали помахать руками, чтобы сорвать зверька с места, однако он на это даже глазом не моргнул. А подбирать с земли сухие сучья и швырять ими в этого красавца нам и самим не пришлось в голову: все-таки соболь – зверь в Сибири и на Алтае уважаемый, а мы в него как в какого-то задрипанного хорька – метать сушняком!

Пересидел-таки нас этот таежный молодец. Напоследок для приличия посвистев в его сторону, мы забрали немного успокоившуюся лайку и вернулись на дорогу продолжить подъем в гору.

Когда он снялся с березы и перебежал в чащобу по своим добычливым делам,

для нас осталось тайной. Только вот в другой уж раз не считал бы наш соболек по привычке ворон и не попались бы ему снова люди, но уже с ружьями...

КОРЕНЬ МОЕЙ ПАМЯТИ

Есть у меня свой, особенный праздник души – это когда приспевает пора запасаться на зиму целебным корешком, что у нас на Рудном Алтае испокон веку зовется белочным, потому как растет под оснеженными вершинами белков. В других местах России корень этот именуют красным или медвежьим, по-научному же он прописан как копеечник, не припомню точно: то ли забытый, то ли уползающий. Зато отчего он так называется, об этом у меня двойное мнение. По моим наблюдениям, все дело в светло-сиреновой розетке этого растения, набранной мелкими, зримо напоминающими наконечники старинных русских копий выгнутыми цветками, и вместе с тем эти же цветки при определенном угле зрения очень похожи на пригоршню копеечных монеток. Название у этого растения только русское, латинского варианта просто не существует, что говорит лишь об одном – корень отыскан и освоен как целебное снадобье нашими пытливыми предками. К примеру, обильно произрастающий в Алтайских белках золотой корень имеет первым своим названием – родиола розовая. А маралий корень, его еще называют бородачом за схожесть с редкой, удлинненной, серо-бурой бородкой, в книжках-справочниках пишется как левзея сафлоровидная.

Белочный корень любит россыпи, прикрытые за никем не считанные тысячелетия перепрелым гумусом, на котором знатно произрастать не только солнечно-оранжевым жаркам и мохнато-багровым пионам, обильному черничнику и резной чемерице, но и пижме, горечавке, бадану и троецветке – водосбору, с изумительными бело-желто-голубыми колокольчиками нежных соцветий. Так вот, корень этот в изрядном количестве промышляли еще кержаки – старообрядцы, что с конца XVII века и до революции густо проживали в таежных укромных Алтайских гор. Как правило, отыскав корень, они заступами окапывали куст, обнажая толстое, переплетенное узлами устье, набрасывали на него петлю из пеньковой верви, привязывали другой конец к хвосту лошади и, неторопливо понукая животное, вытягивали белочный корень, вскрывая сколы – камнями утаенных россыпей. Бывало, что волокнистые шупальца – корешки размерами вытягивались до пяти – семи метров в длину.

Сам я познакомился и попробовал корень подростком тринадцати лет, когда мы с соседскими ребятами впервые поднялись на этикие высоты (более двух тысяч метров над уровнем моря) и напросились на ночевку к пастухам, выпасающим на альпийских лугах совхозных телят. Огороженный жердями загон с истоптанными внутри кочкарниками, гряда причудливых, отдельно стоящих пластинчатых скал, рядом с которыми бревенчатый домик с длинной железной трубой на покато́й крыше, под скалистым навесом поленица дров, густой кедровник, уходящий вниз по северо-западному склону, а в другой стороне, вверху, громадный продолговатый утес-останец, с утекающими в крутое южное ущелье россыпями от среза нижнего торца – эта картина четко и с первого раза запечатлелась в моей отроческой памяти на всю жизнь. Пастухи, трое бородатых, немногословных мужиков с хватистыми, жилистыми и темными ручищами, когда мы спросили их о ночлеге, молча кивнули, и самый молодой из них махнул рукой, приглашая нас пройти в домик. Там он указал на место в углу сколоченных широких, занимающих половину помещения нар и скупно обронил: «Поместитесь, живите». И вышел вон из домика.

Мы огляделись. На узком подоконнике квадратного, засиженного мухами и мошкой оконца стоял пузырек с йодом, рядом лежал слегка поржавевший пинцет и запечатанный пакет с бинтом. Под окном разместился стол на одной выпиленной из лиственницы толстой ножке; по двум, у стены, сторонам красовались чурки, видимо, бывшие когда-то частью той же самой лиственницы, а перед столом стояла сбитая из двух оструганных плах лавка. Ближе к входной двери с уходящей в низкий потолок трубой уютилась невысокая железная печка, на которой в закопченном большом чайнике что-то аппетитно булькало. Через подрагивающую крышку и загнутый носик чайника избушка наполнялась каким-то необыкновенно душистым ароматом, который мы, сглатывая голодную слюну, сладко и жадно вдыхали, не смея без спросу подойти к печи и приоткрыть крышку, чтобы узнать, что же это такое там напаривается. Скрипнула дверь, в избу ввалился приземистый и седобородый пастух, окинул нас острым взглядом, загадочно хмыкнул, прошел сначала к противоположной от окна стене, где открыл ларь и извлек из него каравай хлеба и холщовый мешочек с комковым, колотым сахаром. Все это выложил на потертую клеенку стола и только после этого дружелюбно скомандовал: «Паренек, ты, что ближе всех к полке позади вас, возьми там пяток кружек – чаевничать будем. Вы с дороги, подкрепимся, а там и что посерьезнее сообразим». Тут и мы наконец-то пришли в себя, каждый бросился к своему рюкзаку, начали доставать и выкладывать на стол тушенку, консервы, хлеб, печенье, конфеты, плиточный чай. Мужик, глядя на наши хлопоты, загадочно усмехнулся в бороду и покачал головой: «Вы, ребята, все-то не выкладывайте, припасы еще и вам сгодятся на обратный путь. Мы здесь не бедствуем – матушка-тайга да горы любого, кто не со злом, завсегда прокормят. А теперь давайте-ка, кто из вас на ногу скор, сбегай на ключ, под скалу, его узнаешь по синей тряпице на жердинке, там в воде баночка молочка охлаждается – чаек заправить». Тогда-то мы и узнали, что вкуснейший этот напиток отваривается из корня, называемого в наших местах не иначе как белочный. Осмелевшие от теплого, отеческого приема и любознательные в силу своего возраста, после обеда мы стали упрашивать дядю Колю, так нам представился седобородый пастух, показать, где растет корень и как его добывать. Дядя Коля покряхтел добродушно, прищурившись, оглядел нас с ног до головы и махнул рукой: «Лопату и лом у дверей на выходе возьмите и – айда на лужок за поскотину!».

Корни росли кустом, прямые стебли с такими же, как у акации, листьями выбивались из земли, каждый по отдельности, но кучно, и поэтому напоминали букеты, расставленные чьей-то заботливой рукой по каменистому высокогорному склону. Дядя Коля окопал ближний к нам куст, вывернул ломом несколько небольших каменных плит и, углубляясь, обнажил толстый, объемом с детский кулачок, корень, затем аккуратно острием штыковой лопаты обрубил уходящий в землю светло-коричневый тугой отросток: «Вот так вот, ребята. И нам прибыль, и корешок, что в камушках остался, поболует малость, не без того, однако через годик-другой восстановится и снова отрастет». Говоря это, дядя Коля сгреб лопатой плиты и землянистый дерн обратно в развороченную ямку и притоптал их кирзовыми сапогами, обронив как бы для себя: «Во всем должен присутствовать порядок».

С того раза приохотился я к целебному корешку. Получилось так, что полжизни довелось мне пребывать вне Рудного Алтая – то работал и учился в Восточной Сибири, то дышал насыщенным йодистым воздухом на просоленных берегах Сахалина, а то кем только не пробовал себя в Первопрестольной – и грузил фуры паллетами с постным маслом, маргарином или майонезом, и выламывал оконные рамы в школах и детских садах, меняя деревянные окна на пластиковые, а то и мел охажки разноцветных опавших листьев на Воробьевых горах в живописной усадь-

бе с чугунной кованой оградой гостиничного комплекса министерства обороны. Но всегда во время приезда домой, а делать это я подгадывал летом или ранней осенью, непременно выкраивал день-другой и карабкался к вершинам белка, где у истоков горных ручьев, на неописуемых по очарованию альпийских подсохших болотцах плантациями рос красный корень. И когда я, отдышавшись после головокружительного подъема, выбирался на давно покинутое пастухами, густо заросшее чемерицей и пижмой, кочкастое стойбище рядом с причудливыми базальтовыми скалами, сердце мое сладко сжималось. В душе разливалось предчувствие – вот сейчас пройду еще с десяток метров, заверну за подпертую древним кедром скалу, а там и домик с покатою крышей, и бородастые немногословные мужики, а от ключа, с развевающейся синей тряпицей на воткнутом шесте, с полным ведерком студеной воды, стараясь не расплескать ни капли, по тропинке к избушке спешит подросток. И в нем, конечно же, я узнаю себя... Однако ни домика, ни шеста, ни набранной жердями поскотины никогда уж больше здесь мне не увидеть. Но поднимающуюся волну грусти всегда останавливает мысль о том, как все-таки мне повезло в юности, что я входил в жизнь хоть и среди суровой, но такой самобытной и родной красоты и в окружении настоящих – от земли! – людей.

ГОРБАТЫЙ РАСПЛОД

Кто бы знал, как люблю я июльским погожим денечком постоять на тачке с бок улья и понаблюдать за работой пчел. Светит нежаркое солнышко, иногда его закрывают проплывающие через небо легкие облачка, на минутку светлая тень наползает на огород с цветущей картофельной ботвой, на старую яблоню в углу усадьбы, раскинувшуюся рядом с двумя рядами ульев, расставленных вдоль забора. Труженицы деловито подлетают и по наклонной широкой дощечке, приставленной с земли к нижнему окоему корпуса, заползают через леток в улей. Бывает, что приземлится их одновременно с десяток, а щель летка всего сантиметра три в ширину, здесь бы и устроить столпотворение с выяснением отношений: кто из них важнее и у кого нектар в хоботке слаще? Однако пчелиная цивилизация – как я слышал от кого-то из бывалых пасечников – самая совершенная из трех существующих в обозреваемом человечеством потоке истории. Следом, якобы, идут муравьи, они, как и пчелы, дисциплинированные, но менее организованы. И замыкаем тройку мы, грешные люди. О том, какие мы примерные и сплоченные, я лучше промолчу.

Так вот, пчелки, как я заметил, всегда вежливо уступают друг дружке дорожку, случается, что подлетит крупный трутень и растолкает их, чтобы без очереди пробраться к сотам. Труженицы и его вперед пропускают: дескать, торопится, пусть идет. Тем более недалек тот день, когда мы тебе, хаму эдакому, крылышки-то обкусим и в травку тебя со товарищи сбросим, поскольку будет вам кушать наши припасы на дармовщинку-то! И уж ползайте тогда сколь душе угодно, покуда не приберут ваши жирные мохнатые тушки проворные муравьи в свои прохладные подземные кладовые. Зная судьбу трутней, мне иногда даже бывало жаль этих нерасторопных ухажеров предводительницы улья – сосредоточенной и деловитой пчелиной матки. Однако эту жалостливость отодвинуло куда-то в недостижимую глубь моего сознания одно необычайное событие, о котором я сейчас и расскажу.

Иногда, желательно в период между поддерживающим взятком, который выпадает на конец мая и начало июня, когда склоны и долины желты от цветущей акации, и главным, июльским, что случается в пору обильного цветения в горах синеголовой кисточки – белковки и зонтичного дягиля, пасечники проводят краткие

ревизии своих ульев. Часто ворошить пчел болезненным извлечением и осмотром рамок не рекомендуется знатоками, да и сам понимаешь, что каждое такое посещение напоминает происшествие, когда в твою ухоженную и прибранную квартиру вламываются непрошенные гости, все коверкают, переворачивают и напоследок еще так громко хлопают дверью, что со стен осыпается штукатурка. Но, не проводя бережного осмотра, можно легко допустить такое нежелательное развитие сильной семьи, когда пчелы, оттягивая ячейки, понастроят по низу вошины овальные и продолговатые, схожие с ракушками, маточники, выпестуют новую матку, и начнется «разделение царства в себе». Тогда только и успевай подсчитывать улетевшие рои и потерянные килограммы меда! Поэтому в таких случаях всегда надо быть бдительным и не ловить ртом ворон, однако в этот раз я как-то с неохотой принялся забивать железную емкость дымаря припасенной еще с осени древесной трухой и гнилушками, поджег и бросил в нее лоскуток бересты, и, захлопнув крышку, опробовал воздушные меха. Качали они на славу, дым из носика дымаря повалил что надо. Надел через голову сетку, поправил и подоткнул концы ее под воротник халата и направился на пчелиное хозяйство.

Осмотрел один улей, второй. Золотисто поблескивал в незапечатанных ячейках свежий мед, кое-где желтела и зеленела пыльца, называемая в наших местах хлебиной, коричневыми ромбовидными островками на некоторых рамках густо темнел запечатанный расплод. Дошла очередь до третьего корпуса. Снял крышку, убрал площадку, поддел стамеской верхнее крылышко средней рамки, извлек ее на свет и... обомлел. Почти вся площадь рамки с обеих сторон была усеяна крупными бугорками какого-то непонятного мне расплода. Вытащил вторую рамку, третью, четвертую – то же самое: зловещих бугорков, как на болоте кочек! Колупнул стамеской созревающую ячейку, вытащил оттуда мохнатое тельце трутня и понял, что улей мой обречен. И это всего за пару недель перед основным взятком! Что делать? Что предпринимать в такой аховой ситуации?

Здесь надо упомянуть о том, что на тачке, кроме моих шести ульев, возвышалось еще до полутора десятков хозяйских, а именно – моего доброго друга и старшего товарища Василия Николаевича, и пяток – его соседа по ограде. Я же со своими квартировал на задворках его огорода, поскольку моя усадьба располагалась на другом краю поселка, между железной и автомобильной дорогами, что для пчел крайне нежелательно: мало того что они зачастую сбиваются с курса, да еще и пыль, густо замешанная на вредных выбросах, так травит самозабвенных тружениц, что они быстро изнашиваются и погибают. Я уж не говорю о качестве получаемого меда. А в ограде у Василия Николаевича благодать: прямо за забором раскинулся пестро-зеленый цветочный лужок, дальше речка, за которой щедро заросшие акацией, крушиной и прочими медоносными растениями горы. Так вот, обнаружив в одной из самых сильных своих семей такую аварию, я бросился расспрашивать всех знакомых пасечников, и прежде всего Василия Николаевича: что же мне делать? Какими средствами оздоровить попавший в нехорошую переделку улей?

Мужики лишь пожимали плечами, разводили руками, и самое лучшее, что смогли мне посоветовать, так это – вынести улей на середину тачка и стряхнуть с зараженных рамок всех пчел. Пускай, дескать, разлетаются, ищут себе новое пристанище и жилье в здоровых ульях, а что касается матки-трутовки и ее приближенных пчелок-паразитов, так они уже потеряли способность летать, им останется только поползть какое-то время возле развороченного улья, чтобы затем справедливо стать заслуженной добычей вездесущих муравьев. А мед из рамок, добавляли мужики, откачай. Что продашь, а что с чайком отшвыркаешь. Однако не такой уж

я сладкоежка, чтобы так запросто, без боя сдавать целый улей, пускай и за самовар чая! Походил по тачку, поразмышлял и удумал одну любопытную вещицу.

Мысль оказалась простая, но стоящая, и как только мои знакомые опытные пчеловоды не додумались до нее! Я подготовил запасной корпус, тщательно выскоблил его стамеской, обжег внутренние углы паяльной лампой, извлек из других моих ульев несколько рамок с запечатанным расплодом и свежим, поблескивающим в ячейках медом, отыскал рамку с оттянутым дозревающим маточником – в общем, сформировал новый улей. Правда, пока без пчел. Приготовленный улей с открытым летком принес на тачок и опустил на травку-муравку рядышком с пропащим корпусом. Затем, не торопясь, закрыл у пропащего леток задвижкой и поменял ульи местами: свежий поставил на колышки, а старый обхватил руками и унес через калитку подальше на лужок. Там аккуратно снял крышку и приступил к извлечению и стряхиванию встревоженных пчел с рамок на цветы.

Что тут началось! Возмущенные труженицы светло-коричневыми жужжащими фонтанчиками, похожими на миниатюрные смерчи, со всех сторон окружили меня, однако, пошумев некоторое время, смерчи эти красиво вытянулись в воздухе по направлению к нашей пасеке и дружно исчезли. И я очень надеялся, что они, гонимые инстинктом и привычкой, летели сейчас не куда-нибудь в чужие корпуса, а приводить в порядок и обживать свой обновленный дом.

Через четверть часа лужок опустел, лишь из высокой травы выглядывал уголок покинутого корпуса с прислоненной к нему крашеной жестяной крышкой, да на притоптанном пяточке копошились десятка полтора трутней, и по ним растерянно ползала продолговатая, разучившаяся летать матка-грутовка.

Спустя неделю, при осмотре восстановленной пчелосемьи, на двух рамках, извлеченных из середины улья, на дне ячеек я заметил крохотные темные точки – личинки. Это означало, что молодая матка уже облеталась и приступила к работе – начала сеять расплод. Я улыбнулся, бережно водрузил на место крышку и отправился на тенистую веранду к Василию Николаевичу полакомиться чайком со свежим медом, только накануне откаченным нами из рамок с «горбатым расплодом».

Манаков Юрий Семенович родился в 1957 году на Рудном Алтае. Автор книг прозы «Риддерские самоцветы», «Не замутит колодца непогоде» и «Обронила синица перо из гнезда» и др. Член Союза писателей России, лауреат и дипломант ряда литературных премий.